

стороны. Фрост согласился, и вскоре детали обмена были оговорены, поскольку в конце августа Юдалл сам собирался поехать в Россию во главе делегации, чтобы посетить гидроэлектростанции.

Фрост попросил Фредерика Адамса, своего старого друга, директора библиотеки Пирпонта Моргана в Нью-Йорке, сопровождать его в поездке. Мне предложили присоединиться к ним в качестве переводчика и помощника по организационной части. То, что нам предстояло, всем троим было в новинку. Фрост за последние годы посетил Англию и Израиль, но вообще за границей бывал нечасто и никогда не выполнял подобной миссии. Адамс как крупный специалист по библиотечному делу имел большой опыт общения с людьми разных убеждений, но никогда не общался с русскими на их родине. И я сам, хотя и бывал в России, хотя и сохранил в памяти туманное отроческое воспоминание о Фросте — за двадцать лет до этого он как-то вел в нашем классе урок английского, — никогда не выступал в роли сопровождающего лица, а тем более помощника такого человека. <...>

Среда

<...> Мы приземлились в Москве в пять часов. Фроста встречала делегация советских писателей. Среди них был Александр Твардовский, поэт, редактор “Нового мира” и лауреат Ленинской премии, он должен был посетить Соединенные Штаты вскоре после возвращения Фроста, но его визит так и не состоялся. В числе встречавших были Алексей Сурков, поэт, секретарь Союза писателей, одна из ключевых административных фигур в советской интеллектуальной элите. Был также художавый и самоуверенный Евгений Евтушенко, а еще поэт Михаил Зенкевич и профессор Иван Кашкин, опубликовавшие в 1939 году первые русские переводы Фроста в антологии “Поэты Америки. XX век”. Хотя русские, очевидно,